

нет подобных им? «Бог дал», и «Бог взял», скажем с Иовом и со всяким земледельцем и заключим словом их: «Да будет имя Господне благословенно».

Книга украшена почти сотнею портретов, – и нельзя довольно наразмышляться, рассматривая их. Книга, конечно, станет настольною у множества наших духовных лиц, всем обязанных Московской духовной *almae matris*.

СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ

(Сбор в пользу Польши)

Сегодня денежный и всяческий сбор в Петрограде и по всей России на помощь полякам. Щедро давайте, русские; несите рубли, несите и копейки. Сто копеек – целый рубль: и не стыдись, беднота, давать и копеечку. Это – Христова копеечка, а Христос сказал вечное слово именно о копеечке («Лепта вдовицы»).

Польша разломана, разорена великой идущей там войною – передвижением войск, зверством и тупостью немцев, трусливой жестокостью австрийков и венгров. Не так, как Бельгия, но приблизительно так же разорена половина Польши. Хлеб, картофель, овощ, все съестное вытоптано конем или вырыто себе врагом, предвидящим у себя голод. Многим полякам в ближайшие месяцы нечего будет есть, польским крестьянам, польским мещанам, их детям, женам. Неисчислимым «пани», «паненкам» и «паннам». Теперь такой час: помогайте, русские «бабы», польским «паннам», они нам сестры, родные, славянки же. *Такого* еще дня, как сегодня, не будет. Когда же Русь собирала хлеб для Польши? Смотрели косыми глазами друг на друга. Тут было втайне много немецкого подзадориванья. «Жми их», – нашептывал Берлин Петрограду, навалившись, как пивная бочка на человека, на поляков в Познани.

Господи, какое «слава Богу» в этом освобождении от немца!

* * *

Недели две назад я шел из Эрмитажа с одним директором варшавской гимназии, который в отставке и на пенсии занимается там (в Эрмитаже) монетами Петра Великого. Разговорились о текущих событиях, и я спросил, недоверчиво и подозрительно, прочно ли и, главное, чистосердечно ли хоть сейчас отношение поляков к русским? Подняв голову, старик ответил мне буквально словами:

– Я видел сам теперь, что когда по варшавским улицам проходили русские полки, то из домов выбегали польские женщины и *целовали солдатам руки*.

Еще взглянув на меня:

– Вы понимаете, что это значит?!

Я добавлял себе: «При известной всему свету *гордости* польской женщины».

«Неужели?» – несколько раз переспросил я старика-ученого. И когда он твердо подтвердил слова, какое-то теплое чувство паром наполнило грудь, и я был близок к тому, чтобы чуть-чуть поплакать. Действительно, если *так*, мы мирны.

О *там* же спросил я Ю. Д. Беляева, только что вернувшегося из Польши. – Да! Да! Все – *забыто!!* (т. е. *прежнее*). Никакого – *расселения!*

Если *так*, то в самом деле что-то пасхальное. «Да, друг друга *обымем*»...

В литературе и всячески мы отселе будем стараться всячески вникнуть в польский народ. Но, впрочем, главная здесь работа – непосредственное физическое сближение, знакомство, дружба, рукопожатие, «едем из одной миски».

Ну да мы «между собою» разберемся. Не стоял бы между нами немец. Мы постараемся многое у них понять, а полякам придется узнавать Русь почти что «сначала». Кроме иностранного и эмигрантского вранья о нас они едва ли что знают. Например, они не знают, что привольнее Руси нигде не живет. Еще бы! Русь состоит из трех принципов: 1) никаких законов не исполняем, 2) Царь во всем милует, 3) нравы еще не установились. Ширь, какой вас на Западе не «попотчуют-с». Да что: из Руси, из Тверской губернии, вышел самый свободный человек в мире. Это – Michel Бакунин. Его даже теснили «невыразимые», и он и их снял и бегал нагишом по всей Европе. Эмблема русской волюшки.

Это – преувеличено. Бакунина, конечно, не надо. Но «побродить около Бакунина», я думаю, и панам и пани иногда хочется. У нас и поговорка: «Бог всех *милует*».

Несите, русские, копеечки и рубли новым нашим *братьям*. У них все выжжено, потоптано. Им негде жить, им нечего есть. Кстати: из Польши хорошо бы пустить простецов собирать с блюдом и тетрадкой «на погорелое место». Сбирать – для *определенной деревни*. Заимствованием этого доброго обычая много бы сотворилось к делу *мира и любви*.

ВОДКА, ПИВО, ВИНА

«Сразу» и «все вместе» – вот прием героического подъема. «Сразу» и «окончательно» – вот вторая его черта. Так и поднялась Русь против пьянства, – где 1) *никому* нельзя было пить и 2) *ничего* нельзя было пить. Именно эта *полнота решимости* и поддерживала энтузиазм, который прошел волной по России, подобно чуду. Ведь избавление от пьянства равно величайшей религиозной реформе; по объему, по количеству спасенных душ, спасенных состояний, сохраненных в целостности биографий – это вполне религиозно-нравственная реформация, не задевшая ни йоты «старого упования», нашей древней православной веры. Всеми это и было принято как социальное чудо. Оглядывались и говорили: «Чудо! Русь не пьет! Россия трезва».